

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет политологии

Ребров Сергей Александрович

Выпускная квалификационная работа

**ЛЕВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Направление 41.04.04 «Политология»

Практико-ориентированная модель магистратуры «Политология»

Научный руководитель:

профессор, доктор политических наук

Завершинский Константин Федорович

Рецензент:

доцент, кандидат философских наук

Меркулов Виктор Михайлович

Санкт-Петербург

2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕВОГО РАДИКАЛИЗМА.....	10
1.1 Феномен левого радикализма и способы его описания.....	10
1.2 Политико-культурные и идеологические истоки леворадикальных движений.....	19
ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	29
2.1. Идеология и политическая мифология левого радикализма.....	29
2.2. Символические практики леворадикальных движений.....	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	57
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	60

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования: Политическое наследие левого радикализма в современном политико-культурном пространстве подвергается постоянному переосмыслению. Представители различных политических организаций и социальных групп либо призывают к его полному забвению, либо же наоборот рассматривают его как идеологическое основание борьбы за переустройство политического порядка. Абстрагируясь от позитивных или негативных интерпретаций феномена левого радикализма, можно констатировать, что леворадикальные идеи и практики до сих пор находят не только противников, но и сторонников и явно далеки от того, чтобы стать достоянием прошлого.

С распадом СССР и мировой социалистической системы лозунги леворадикальных мыслителей и активистов стали восприниматься преимущественно как утопические, а неолиберальная экономическая политика и идеология в совокупности с мифологией «конца истории» стали господствующими не только в официальных СМИ, но и в общественном мнении.

Однако с началом нового века мировой политической процесс столкнулся с таким феноменом как «альтерглобализм». Многотысячные манифестации, забастовки и столкновения с полицией потрясли мировую общественность. Причём лозунги, которые выдвигали те, кого СМИ окрестили «альтерглобалистами», были очень схожи с лозунгами леворадикальных движений, то есть тех, кого не так давно признавали устаревшими утопистами. В середине же 2010-х годов мировая политика столкнулась и с другим явлением подобного типа, получившим название «левый популизм». Большинство лидеров подобных движений отнюдь не относили себя к радикальным элементам, а лишь подчёркивали свою умеренность и желание улучшить экономическое положение населения путём социальных реформ, классических для послевоенной Европы. Однако даже

подобные левоцентристские воззрения были восприняты правящими элитами как радикальные требования изменения политической и экономической структуры общества, что отчасти поспособствовало их большей популяризации.

Россия в этом аспекте не стала исключением, поскольку традиции и дискурсивные практики леворадикального движения также претерпели идеологические трансформации. Русская революция 1917 года, а затем и попытка построения социалистического общества в СССР не только коренным образом изменили социальную структуру общества, но и закрепили ряд символических элементов леворадикального дискурса в политической культуре общества. Последующий распад СССР и кризис КПСС ослабили эти символические элементы. Масштабные неолиберальные реформы 90-ых годов и последующая стабилизация 2000-ых годов размыли традиционную советскую политическую культуру, подвергнув переоценке ключевой набор её основных элементов. Символические концепты нового отечественного леворадикального движения, возникшего в период перестройки, формировались под влиянием наследия коммунистического движения в двадцатом веке и одновременно стали реакцией на ослабление этого движения. В тоже время политическая культура нового отечественного левого радикализма приобрела качественное своеобразие по отношению культуре леворадикальных движений в Западной Европе и США, так и всего остального мира, что подтверждает актуальность сравнительного анализа изучения проблематики левого радикализма.

Степень научной разработанности. Современному левому радикализму и его особенностям посвящён ряд целый ряд статей и монографий отечественных и зарубежных учёных. Многими авторами проанализированы особенности политической культуры леворадикальных движений и группировок, как российских, так и зарубежных. Также в данном контексте ценными оказываются публикации авторов, посвящённые

вопросам символической политики и анализу присутствия политических идей в политической культуре того или иного общества.

Проблематике изучения политической культуры и идеологии левого радикализма посвящён ряд работ, как отечественных, так и зарубежных исследователей. Если говорить об анализе самих леворадикальных движений и их идеологических особенностей, то здесь стоит выделить работы таких отечественных исследователей как Б.Ю. Кагарлицкий, А.В.Шубин, А.Н. Тарасов, П.В. Рябов, Т.И. Ойзерман и А.И. Колганов¹.

Несмотря на научную ценность работ данных авторов, стоит отметить, что некоторое их количество имеет скорее публицистический характер, чем научный. Однако данный факт несколько не снижает их ценность для научной интерпретации. Касательно работ зарубежных авторов, посвящённых той же проблематике, стоит отметить для настоящего исследования значимость идей таких классиков политической философии и теории как П. Бурдьё, Г. Маркузе, Л. Альтюссер, Э. Балибар и Р. Арон²

¹См. напр.: Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007; Кагарлицкий Б.Ю. Неoliberalизм и революция. СПб.: ООО «Полиграф», 2013; Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. М.: ЛЕНАНД, 2017; Кагарлицкий Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики (серия «политическая теория»), 2017; Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2017; Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Тарасов А.Н. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М.: Институт экспериментальной социологии, 1997; Тарасов А.Н. Революция не всерьёз. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005; Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). М.: «Вузовская книга», 2007; Ойзерман Т.И. Избранные труды: В 5 т. Т. 3. Оправдание ревизионизма. – Ин-т философии РАН. М. : Наука, 2014; Ойзерман Т. И. Избранные труды: В 5 т. Т. 2. Марксизм и утопизм. – Ин-т философии РАН. М. : Наука, 2014; Колганов А. И. Что такое социализм?: Марксистская версия. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

²См. напр.: Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002; Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007; Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «REFLbook», 1994; Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. №3 (77); Балибар Э. О диктатуре пролетариата. Часопис соціальної критики contr.info, 2008; Арон. Р. Воображаемые марксизмы. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Кроме того, в работе использовались интерпретации некоторых элементов политической культуры левого радикализма, таких зарубежных авторов как П. Андерсон, П. Готфрид, Д. Грэбер и Д. Харви³

В качестве особенностей методологической части хотелось бы отметить ряд работ отечественных и зарубежных исследователей, посвящённых политической культуре и символической политике, позволяющих проанализировать идеологические компоненты в рамках политической культуры того или иного общества. Речь идёт о работах: О.Ю. Малиновой, К.Ф. Завершинского, Н.И. Шестова, Г.И. Мусихина и Г. Гилла⁴.

Несмотря на значительный массив научно-аналитической литературы, большинство вышеуказанных работ рассматривают лишь отдельные аспекты политической культуры отечественного и зарубежного левого радикализма. Таким образом, комплексное исследование политической культуры левого радикализма в современной России отсутствует, что лишь подтверждает актуальность изучения данной проблематики.

Объектом исследования являются леворадикальные движения в современной России.

³ См. напр.: Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Книга по Требованию, 2014; Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М.: Интер-Версо.1991; Готфрид П. Странная смерть марксизма. М.:ИРИСЭН; Мысль, 2009; Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014; Харви Д. Краткая история неоллиберализма. М.: Поколение, 2007.

⁴ См. напр.: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013; Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник СПбГУ, Сер. 6. Вып. 2, 2015; Завершинский К.Ф. Легитимация и делегитимация «советского» в политико-культурных практиках современной России // Вестник СПбГУ, Сер. 6. Вып. 3, 2013; Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005; Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. М.: Издательский дом Высшей школы экономики (серия «политическая теория»), 2013; Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge University Press, 2011.

Предметом исследования выступает политико-культурная специфика идеологии и символических практик леворадикальных движений в современной России

Целью данного исследования является изучение особенностей идеологии и символических практик отечественного левого радикализма и их влияния на политическую культуру современной России.

Задачами данного исследования являются:

- 1) выявление специфики методологии исследования феномена «левого радикализма»;
- 2) анализ идеологических и политико-культурных истоков леворадикальных движений и группировок;
- 3) артикуляция специфики идеологии и политической мифологии в зарубежном и отечественном дискурсе левого радикализма;
- 4) анализ символических практик леворадикальных движений и группировок в современной России.

Гипотеза исследования. Современный российский левый радикализм амбивалентен в своем идеологическом влиянии на политическую культуру современной России, поскольку он оформился под влиянием кризиса левых идеологических ориентаций в мире и России, связанном с распадом Советского Союза и активизацией либеральных идеологий глобализации и этнонационализма. В силу этих обстоятельств российский левый радикализм включает в свое идеологическое содержание, как традиционные доктрины отечественного левого радикализма, так и элементы идеологии европейского альтерглобализма в Европе и США. Это обуславливает его идеологический эклектизм и противоречивое влияние на политическую культуру современной России.

Научная новизна исследования. Научная новизна данного исследования заключается в попытке комплексного анализа политической культуры отечественного левого радикализма в контексте особенностей

теории и практики символической политики. В работе представлен авторский подход к пониманию левого радикализма как специфического элемента политической культуры современной России. Данное исследование нацелено на развитие методологии сравнительного исследования отечественного левого радикализма.

Хронологические рамки исследования охватывают 1989-2017 гг., что обусловлено тем, что политико-культурная специфика современного российского леворадикального движения начала возникать именно в эпоху поздней перестройки.

Теоретическая значимость. Выводы и результаты данного исследования могут способствовать развитию политико-культурного подхода к пониманию особенностей левого радикализма в России, и могут быть использованы для дальнейших сравнительных исследований и прогнозирования леворадикального дискурса в политической культуре.

Практическая значимость данной работы заключается в комплексном исследовании отечественного левого радикализма, что может быть использовано в практической работе государственных и партийных органов в рамках работы с организациями подобного типа. Помимо этого, ряд основных положений данного исследования могут быть использованы в рамках подготовки учебных курсов и исследовательских семинаров, посвящённых вопросам, как российского левого радикализма, так и зарубежного.

Апробация результатов исследования. Помимо самой диссертации, результаты авторского исследования политической культуры российского левого радикализма изложены в двух публикациях в журналах и сборниках, входящими в РИНЦ⁵, а результаты исследования представлены на конференциях.

⁵ Ребров С.А. Октябрьская революция в контексте трансформаций символической политики: отечественный опыт // В сборнике: Материалы научной конференции XI Ковалевские чтения. 2017. С. 477-479; Ребров С.А. Политическая теория либерализма и марксизма: исторические пути и современность // В

Теоретико-методологические основы исследования. Учитывая многогранность исследуемой проблематики, автор использует междисциплинарный подход. Базовым основанием выступает структурно-функциональный анализ политико-культурных процессов, дополненный стратегиями исследования символических компонентов политической культуры в структурализме и социальном конструктивизме. Важным компонентом изучения леворадикального дискурса в политической культуре современной России является сравнительный анализ культурно-исторических особенностей символических и институциональных практик отечественного и зарубежного леворадикального дискурса. Также в данной работе автором используется, популярная в отечественной политической науке, концепция «символической политики». Данный термин понимается как эксплуатация политических символов в общественном дискурсе, способствующим легитимации того или иного общественно-политического строя или политической практики определённой организации.

Структура данной работы сформирована исходя из цели и задач самого исследования. Работа состоит из введения, двух глав с четырьмя параграфами, заключения и списка источников и литературы. Первая глава посвящена теоретико-методологическому описанию самого феномена левого радикализма и изучению его политико-культурных истоков, связанных с проблематикой символической политики. Во второй главе анализируются особенности эволюции идейно-теоретических воззрений отечественных и зарубежных леворадикалов, а также подробно рассматриваются символические практики отечественных организаций, относящиеся к исследуемой области. В заключении, основываясь на результатах исследования, делается вывод, подтверждающий основную гипотезу.

Глава 1 Теоретические и методологические основания исследования политической культуры левого радикализма

1.1 Феномен левого радикализма и способы его описания

Историческое разделение политических сил по шкале «левые – правые» зародилось во времена Великой Французской революции в связи с разделением депутатов французского Учредительного собрания по левую и по правую сторону от председателя⁶. Первоначально подобное разделение не носило идеологический характер, что в дальнейшем не помешало данной шкале использовать именно идеологию как фактор различия «левых и правых». Первичным критерием отличия же выступило отношение к действующему общественно-политическому строю. В рамках данного подхода, который в последствие был обозначен как «структурно-функциональный», те, кто выступает за смену действующего строя, обозначаются как «левые» с разной степенью левизны в зависимости от радикальности намерений. Защитники действующего общественно-политического строя стали именоваться «правыми», также в зависимости от того, насколько они радикально готовы были защищать той или иной строй. Подобная классификация подробно описывала особенности политико-идеологических процессов того времени и вплоть до двадцатого века активно использовалась в научно-исследовательской литературе. Ещё в самом конце девятнадцатого века именно структурно-функциональный подход определялся как ведущий аналитический метод анализа идейно-теоретических концепций политических движений.

При всех достоинствах структурно-функционального подхода, в современной политической науке он используется не в полной мере. Идеологический же подход применяется гораздо чаще как в области академических исследований, так и в области политической публицистики. Основу идеологического подхода к классическому политическому спектру

⁶ Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль, 1991. С. 152.

составляет методика закрепления за его определёнными частями соответствующих элементов, идентифицирующих политические позиции. Сами позиции могут быть сгруппированы по различным тематическим блокам: экономические, культурные, политические и тд. В зависимости от позиции определённой политической организации по ряду актуальных вопросов, та или иная структура относится к левым или правым идейно-политическим течениям. Стоит отметить, что классический политический спектр в современной политической науке постоянно подвергается критике за устаревший подход к современным политико-идеологическим процессам. Во многом подобный вывод основывается на том, что в условиях подъёма политического популизма различные партии и движения зачастую используют чисто прагматичные лозунги и требования с целью охватить более массовую аудиторию.

Критикуя классическую дихотомию «левые – правые», итальянский политолог Н. Боббио заметил тот факт, что само по себе политическое противопоставление правых и левых является следствием бинарного мышления, характерного и для всех иных обществоведческих дисциплин. Боббио пишет: «...Нет такой дисциплины, в которой не преобладала бы какая-либо всеобъемлющая бинарная оппозиция, в социологии: общество-сообщество, в экономике: рынок - план, в праве: частное - государственное, в эстетике: классическое - романтическое, в философии: трансцендентное - имманентное. В сфере политики правые-левые - оппозиция не единственная, но встречающаяся повсеместно»⁷.

При всех недостатках традиционной методологии анализа политико-идеологических процессов, мы воспользуемся классическим подходом, по большей части, потому, что несмотря на критические замечания в адрес классического политического спектра, иные проекты по созданию

⁷ Боббио Н. Правые и левые // Неприкосновенный запас, 2003. №5 (31)

универсальной шкалы анализа политических идей не нашли распространения в современной политической науке.

Классическое разделение политических сил на «левые-правые» с точки зрения традиционного (идеологического) подхода можно обозначить по шкале «равенство-иерархия» с разной степенью склонения в ту или иную сторону. Те, кто относит себя к правым, считают социальное равенство утопичной конструкцией и отстаивают естественное неравенство, делая акцент на личных заслугах наиболее имущих слоёв⁸.

Политические силы, относящие же себя к «левым» концентрируются на социально-экономических проблемах населения, и на таких понятиях, как «равенство и всеобщее благосостояние». Однако в зависимости от степени политических мер не все левые в этом случае однородны. К примеру, социал-демократы, будучи левоцентристами, стремятся максимально уровнять доходы населения за счёт прогрессивной шкалы налогообложения и повышенных налогов для наиболее богатых слоёв населения. Представители же более радикальных течений (марксизм или анархизм) полагают, что такие методы нежизнеспособны в долгосрочной перспективе и предлагают путь к бесклассовому обществу. То есть степень левизны того или иного идейно-политического течения зависит от степени радикальности мер. Для объективного научного анализа отечественного левого радикализма необходимо также и определиться с терминологией «радикалы». Различного рода политико-идеологические дискуссии в самих политических партиях и движениях постоянно затрагивали статус самих организаций. Наиболее радикальная часть считала в качестве главной и ведущей задачи «единство революционных масс». Более умеренная часть партии настаивала же на легальной работе как на основной задаче.

⁸ Лебедев С.В. Левые и правые в истории русской политической мысли // Россия: прошлое, настоящее и будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 72.

С точки зрения структурно-функционального подхода, политическую власть можно представить как определённую шкалу и позиционирование определённой политической силы на отрезке шкалы можно обозначить как степень радикальности. На подобном основании предлагается соответствующая классификация:

- Политическая организация может поддерживать власть, вступая с ней в незначительные разногласия или же сама осуществлять власть. Такую политическую силу можно обозначить как «центристскую».

- Партия или движение может коренным образом не поддерживать власть и вступать с ней в острую полемику, но действовать в рамках действующего законодательства. Такую политическую силу можно обозначить как «радикальную».

- Если же определённая политическая сила ставит перед собой цель свержения государственной власти и её деятельность выходит за рамки правового пространства, то такую организацию можно обозначить как «экстремистскую».

На основе данной типологии мы можем наложить политическую шкалу правые и левые на систему координат (центристы–радикалы–экстремисты). За счёт совмещения идеологического подхода к пониманию типологии «левые и правые» и его совмещению со структурно-функциональным подходом в области политической борьбы, мы можем дать чёткое определение тем, кого мы можем отнести к леворадикалам.

Леворадикальные группы – политические организации левой части политического спектра, чьей идейной основой выступают идеи о социальном равенстве, и которые ориентированы на кардинальные преобразования, но, тем не менее, действуют в рамках законодательства Российской Федерации.

Идейно-теоретическое разнообразие отечественного левого радикализма же непосредственно связано с историческим наследием леворадикального дискурса в истории отечественной политической мысли,

что неизбежно отражается в идеологическом размежевании различных группировок по причине расхождения в идеологии.

Одними из основных идейно-теоретических истоков отечественных леворадикалов стали идеи немецкого экономиста и философа К. Маркса, получившие именование «марксизм». Основываясь на материалистическом понимании истории как истории развития средств производства и концепции классовой борьбы как двигателе общественных процессов, немецкий мыслитель разработал не только революционный метод в общественных науках, но и определённую систему убеждений, ставшую на долгие десятилетия ведущей в левом движении всего мира⁹.

В конце 19- начале 20 века в российской левой среде велись ожесточённые дискуссии, посвящённые дальнейшему развитию страны в контексте развития развитых стран. Классический марксизм, получивший популярность в тогдашней интеллигентской среде, подвергся масштабной радикализации. Нельзя сказать, что и классические концепции Маркса и Энгельса отличались обоснованием мирных способов преобразования общества, но само распространение марксизма в России неизбежно повлекло за собой формирование радикального крыла, названного впоследствии «большевизмом». Причины появления столь радикального крыла в международной социал-демократии различными исследователями анализируются по-разному. Так, с точки зрения, современного российского политолога и историка Б.Ю. Кагарлицкого, подобный процесс радикализации русских марксистов был связан с тем, что концепции «ортодоксального марксизма» не работали на российской специфике, что было обусловлено периферийностью отечественной экономической системы, в отличие от экономических систем стран той же Западной Европы¹⁰.

⁹ См. напр.: Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.; Новое литературное обозрение, 2007. С. 138.

¹⁰ Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 330-331.

С этой точки зрения, европейский сценарий развития капитализма был невозможен в России, что стало причиной появления нового леворадикального движения, предлагающего некапиталистический вариант развития модернизации. Подобная модернизация не могла осуществляться снизу по причине низкого развития общественных отношений, именно поэтому русский большевизм трансформировался в авторитарную диктатуру, осуществляющую преобразования сверху. В подобных условиях иные политические течения (даже те, что обозначают себя как «леворадикальные») неизбежно рассматриваются как враждебные: «буржуазные» или «мелкобуржуазные»¹¹.

Однако при тотальном отрицании иных направлений в отечественном левом радикализме, идеологи большевизма не только не избегали заимствований идеологических и методологических концепций своих оппонентов на левом фланге, но и активно использовали их в теоретическом осмыслении тактики и стратегии своей партии. Как отмечает исследователь марксизма, академик РАН Т.И. Ойзерман, те же взгляды Ленина на демократию и непрерывную революцию имели больше общего с идеями русского народничества, чем с идеями К. Маркса и Ф. Энгельса. Ойзерман пишет: «...Ленин и сам указывал на то, что Маркс и Энгельс после названных выше революций отвергли идеи непрерывной революции. Но он-то, Ленин не только её не отверг, а напротив, развил в теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Какими же идеями руководствовался в таком случае Ленин? Отнюдь не идеями Маркса и Энгельса, а убеждениями народовольцев, считающих, что в России демократический переворот может и должен быть превращён в переворот социалистический»¹².

¹¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 15.

¹² Ойзерман Т.И. Избранные труды: В 5 т. Т. 3. Оправдание ревизионизма. – Ин-т философии РАН.

Несмотря на то, что для современных российских леворадикальных движений большевистские концепции существуют достаточно фрагментально и служат скорее символами прошлого, чем идейно-политическими основами, исторический опыт большевизма крайне важен для понимания специфики современного левого радикализма.

Помимо большевизма, одной из ведущих идеологических традиций в отечественном (как и зарубежном) левом радикализме выступает анархистская традиция. Основываясь на ценности свободы и неприятия любого вида угнетения (особенно государственного) анархисты являлись одним из самых популярных политических течений конца 19- начала 20 века. Несмотря на то, что в организационном плане отечественные анархисты начала двадцатого века были гораздо слабее социал-демократических и эсеровских организаций, популярность их идей была достаточно широка. Причины популярности анархистских идей среди населения тогдашней России оцениваются различно. К примеру, ряд исследователей видят причину популярности анархистов в крестьянском характере их движений¹³.

Учитывая исторические особенности русского анархизма с данным утверждением можно согласиться. Повстанческая армия Нестора Махно, имеющая масштабную популярность на Украине, преимущественно была крестьянской армией. В данном контексте было бы грубой ошибкой описывать самого Махно и разделяемые им идеи, как чисто популистские концепты своего времени, как часто рассматривалось в официальной советской исторической науке. Концепции анархизма как разновидности левого радикализма того времени были очень близки крестьянскому населению, особенно это касается наиболее зажиточных слоёв, тех, кого в советской истории именовали «кулаками». Идеи свободы хозяйствования, свободы торговли, создание органов местного самоуправления с самыми широкими полномочиями, независимость от центральных государственных

¹³См. напр.: Колганов А.И. Что такое социализм? Марксистская версия. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – С. 562-563.

органов выглядели привлекательно для крестьянских масс начала двадцатого века, что обусловило широкую поддержку ряда анархистских организаций, хоть и гораздо меньшую, чем поддержку партии большевиков.

Несмотря на актуальность и идеологическую привлекательность, стоит констатировать, что анархистские идеи потеряли свою популярность уже ко второй половине двадцатого века, трансформировавшись в идейно-теоретические концепции ряда леворадикальных группировок, появившихся во времена появления «новых левых». Интересно, что даже в академической среде популярность анархизма как почвы для различных леворадикальных мыслителей, так и не увеличилась (в отличие от того же марксизма). В данном контексте можно не согласиться с мнением, американского анархистского антрополога Д. Грэбера, согласно которому, отсутствие популярности анархистских идей в академической среде связано только со скромностью «отцов-основателей» анархизма и его направлений¹⁴.

Несмотря на некоторое падение популярности к анархизму, как со стороны леворадикальных активистов, так и со стороны академического сообщества, анархистские концепции остаются важной частью отечественного левого радикализма. Стоит подчеркнуть, что при рассмотрении особенностей формирования первых советских леворадикальных движений в конце 1980-ых годов, нельзя не заметить, что первые подобные организации в СССР были именно анархистскими организациями.

Изучая процесс формирования советского леворадикального движения, российский социолог А.Н. Тарасов подчёркивает, что в отличие от иных видов левого дискурса, анархизм не был привязан к органам власти, что обеспечило его распространение среди формировавшегося леворадикального движения в СССР. Тарасов пишет: «...Показательно, что в

¹⁴ Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 7.

этот период из четырех леворадикальных тенденций на общественной арене СССР присутствуют только две: анархисты и «пролетаристы». Троцкистские группы появляются лишь в 1990 г. – как результат целенаправленных действий зарубежных эмиссаров, а организации «новых левых» возникнут уже после августа 1991 г.»¹⁵. Причём касаясь подробно самой идеологии формирующихся анархистских организаций, исследователь замечает, что их идейно-теоретическими основами послужили именно труды отечественных классиков анархистской идеологии (М. Бакунин и П. Кропоткин).

Сам феномен левого радикализма, несмотря на своё идейно-теоретическое разнообразие, неразрывно связан с определённой социально-экономической обстановкой, на критике которой, и построено большинство концепций. Представители различных леворадикальных течений могут быть настроены друг к другу достаточно враждебно, но объединяет их именно критический подход к действительности, которую они стремятся радикально преобразовать на основе своих идеологических представлений о более совершенном и справедливом обществе.

¹⁵ Тарасов А.Н. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М.: Институт экспериментальной социологии, 1997. С. 9.

1.2 Политико-культурные и идеологические истоки леворадикальных движений

Политическая деятельность любой организации, имеющей развитую идейно-теоретическую базу, помимо активистской работы, предполагает и символическую практику, связанную с политической культурой и идеологией того или иного движения. Сам термин «политическая культура» несмотря на более раннее использование, был введён в оборот американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербой. Их совместную книгу, посвящённую исследованиям феномена политической культуры, можно обозначить как одно из первых оригинальных исследований в рамках данной проблематики¹⁶.

Согласно их концепции любой политической системе необходимо иметь нормативно-ценностный аппарат, обуславливающий эффективное функционирование всей системы в целом. Элементами политической культуры выступают оценки тех или иных политических феноменов и событий в зависимости от их контекста (симпатия или антипатия). Подобные отношения образуют определённую структуру, становящуюся частью политического процесса и с которой необходимо считаться любым политическим силам независимо от их идеологической идентификации. Политическая культура того или иного общества является отражением политических предпочтений общественного сознания, формирующего общественные потребности, с которыми различным политическим силам и необходимо работать.

Политико-культурная специфика политических движений и группировок же является не столько отражением предпочтений её участников, сколько определённой стратегией, сформированной на основе идеологических постулатов. Эти постулаты, сформированные на основании

¹⁶ См. напр.: Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations - Princeton University Press, 1963.

идейно-теоретических концепций и доктрин, зафиксированных на страницах тех или иных книг, создают набор определённых политико-культурных правил, обязательных для исполнения в зависимости от идеологии. Стоит уточнить, что наборы данных правил и предписаний не являются однородными и могут различаться даже среди организаций со схожей идеологической основой. Сами политико-культурные предписания, по большей части, касаются не только методов достижения тактических и стратегических целей конкретных организаций, но и вопросов, связанных с политическими символами, закреплёнными за конкретными движениями и группировками. Политические символы как неотъемлемый элемент политической культуры любой организации служат не только инструментами агитационной и пропагандистской работы, но и являются очевидным способом идентификации тех или иных политических организаций. Причём символами в данном ключе могут выступать не только флаги, гербы и сами цвета, но также и определённые исторические личности и события, которые сразу идентифицируют определённую организацию согласно её отношению к конкретному символу.

Касаясь конкретно отечественных леворадикальных движений и группировок, то стоит констатировать, что символы, связанные с опытом российского революционного движения начала двадцатого века играют доминирующую роль в их политико-культурной идентичности. Причём зачастую определённые символы выступают скорее как дань исторической традиции, чем актуальный инструмент для агитации. К примеру, единым символом для современных российских леворадикальных организаций, как и сто лет назад, выступает красный флаг. Анализируя влияние красного знамени во времена революции 1917 года, современный российский историк Б.И. Колоницкий описывает его как нечто большее чем просто символ определённых политических сил того времени. Он пишет: «...Красный флаг был чем-то большим, чем новый государственный символ. Именно

применительно к красному флагу, «знамени любви», особенно сильно проявляется сакрализация символов революции. Пропаганда социалистов разного толка создает настоящий культ «святого красного знамени свободы»¹⁷.

Будучи частью большого нарратива великой русской революции, красный флаг впоследствии вписался в общий контекст революционной тематики. Опуская тему идеологической интерпретации, подробное изучение наследия русских революций 1917 года является само по себе крайне богатой темой для интенсивного исследования. В рамках же политической науки изучение революций, как правило, сконцентрировано в области сравнительных и описательных исследований, что несколько сужает проблематику.

Кроме непосредственно истории самих революций, революционное наследие находит своё отражение в культуре, подкрепляемое или скрываемое при помощи такой дисциплины как «символическая политика». Данный термин понимается нами как эксплуатация политических символов в общественном дискурсе, способствующим легитимации того или иного общественно-политического строя. Трактовка определённых событий при помощи односторонней аргументации целью вызвать определённую реакцию является ведущей составляющей символической политики. Сами символы преподносятся лишь с одной определённой стороны, наиболее выгодной в рамках официальной доктрины прошлого¹⁸.

Использование символической политики характерно для любого вида политических режимов (как авторитарных, так и демократических), различаться могут лишь сами методы и возможности её реализации. Основными же элементами любой символической политики являются политические мифы, используемые носителями власти в качестве

¹⁷ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. С. 233.

¹⁸ См. напр.: Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 9.

инструментов легитимации в политической, социальной, культурной и иных сферах. Сами политические мифы представляют собой идеологические конструкты, созданные на основе определённых исторических событий, трактующие их в зависимости от развития политического процесса¹⁹. Причём реальные исторические события и их символические трактовки могут отличаться друг от друга крайней полярностью, что было, весьма характерно для советской практики.

В связи с распадом СССР перед руководством новой России встала задача кардинального пересмотра символических конструкций общественного сознания, вследствие чего новая символическая политика стала разрывом с советским прошлым и была сконструирована как обоснование новой либерально-рыночной модели. Стоит подчеркнуть, что при этом новое российское руководство не отказывалось от правопреемственности от СССР. Несмотря на это, при разработке новой символической политики был выбран чёткий курс на иллюстрацию правопреемственности от дореволюционного прошлого, следуя практики остальных бывших советских республик. То есть в концепции новой символической политики не наблюдалось чёткого разграничения «советского» и «российского», что отразилось и на восприятии многих неотъемлемых элементов советской культуры.

Разрабатывая единую теорию изучения символической политики и политической культуры, австралийский политолог Грэм Гилл вводит концепцию «метанарратива», подразумевая под этим термином единую систему политических символов, характерную для любого государства. С его точки зрения, смена политических режимов происходит не только как сменой руководящих органов, законов и экономической системы, но также и

¹⁹См. напр.: Завершинский. К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник СПбГУ, Сер. 6. Вып. 2, 2015.

как смена старых концепций символических элементов политики²⁰. Именно на изменении символической политики, то есть, на изменении той системы символов, поддерживающих советский строй, и концентрируется Гилл. Политический миф о Великой Октябрьской социалистической революции стоит относить к категории «мифы основания», ведь именно данное событие стало отправной точкой всего дальнейшего советского политического процесса. С первых лет советской власти история революции постепенно начала становится важнейшей частью политической культуры населения Советской России, а в дальнейшем и СССР.

Огромное количество кинокартин, художественных романов, памятников архитектуры, названий городов и памятных мест, свидетельствует о колоссальной важности Октябрьской революции не только для советской политической культуры, но и для политической культуры современной России. Однако очевидным является тот факт, что элементы символической политики связанные с историей революции не являлись даже в советское время устойчивыми и неизменными. На протяжении всего периода истории Советского союза те или иные политические события, связанные с революцией, подвергались пересмотру или же вовсе замалчивались. Особенно можно выделить истории многих революционных деятелей, игравших важную роль в революционных и последующих событиях, но подвергшихся впоследствии репрессиям и историческому забвению (с последующей реабилитацией для ряда деятелей). То есть здесь мы являемся свидетелями историко-политической трансформации самого символа Октябрьской революции, символа, который являлся центром всей советской политической культуры²¹.

В первые же годы существования Новой России, интерпретация национального прошлого в публичном дискурсе властвующей элиты была подчинена задаче оправдания радикальной трансформации советского строя.

²⁰ Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge University Press, 2011. P. 198-199.

²¹ Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде.- М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 144.

Цели реформ, начатых в 1992 г., формулировались в теме радикального либертаристского либерализма и антикоммунистической риторики, сложившихся еще в годы перестройки. Здесь становится интересным наблюдение за тем, как менялись символические структуры понимания Октябрьской революции уже в современную эпоху и какое именно влияние они оказывают на современную отечественную политическую культуру.

С момента распада СССР и запрета деятельности КПСС, символическая политика, связанная с интерпретацией Октябрьской революции была радикально изменена, вследствие появления нового политического строя²².

Однако, несмотря на широкую антикоммунистическую позицию представителей власти, и практику запрета праздника 7 ноября в других бывших союзных республиках, день революции запрещён не был. Вплоть до 1995 года праздник носил точно такое же название, как и в годы существования СССР, однако позже был переименован в «День согласия и примирения».

Анализируя новое название, можно заметить, что трактовка самого события была однозначно смещена в сторону примирения враждующих сторон (красных и белых). С другой же стороны подобная примиренческая риторика мало соответствовала действительности, скорее имело место частичная десоветизация, затронувшая ряд российских городов, населённых пунктов, проспектов, улиц и тд. Безусловно, отечественная десоветизация не идёт ни в какое сравнение с примерами похожей политики в иных бывших советских республиках (где зачастую доходило до законов о «декоммунизации»), но, тем не менее, подобная символическая трансформация ярко выразила политические позиции новой власти.

²²См. напр.: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. - М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 36.

Несмотря на подобные политические изменения, день Октябрьской революции оставался выходным днём вплоть до 2005 года, когда официальный выходной седьмого ноября был отменён с учреждением нового государственного праздника «Дня народного единства» (4 ноября).

На данный момент в общественно-политическом сознании отсутствуют какие-либо устроившиеся символические элементы, связанные с восприятием Октябрьской революции, о чём свидетельствуют противоречивые данные многих опросов общественного мнения, связанных с оценкой деятельности ряда фигур тех событий.

Ключевые элементы советского метанарратива как основные составные части советской политической культуры нашли своё воплощение и в идеологических основах отечественных леворадикальных движений и группировок. Сами политические мифы, созданные на основе элементов метанарратива, зачастую имеют крайне мало общего с реальными историческими и политическими событиями. Для самих леворадикалов вопросы, связанные с исторической достоверностью не играют большей роли в отличие от их идеологической интерпретации. В данном ключе проявляется элемент «постправды» в контексте характеристики политической культуры отечественного левого радикализма.

Терминология, связанная с понятием «постправда», появилась ещё в 2010 году, как обозначение намеренно искажающей трактовки определённых событий при помощи доминирования крупных информационных источников в общественно-политическом дискурсе. Основным мотивом создания нового термина послужили настроения о наступлении новой эпохи в области получения информации. Засилье больших информационных ресурсов, имеющих многомиллионную аудиторию, в потоке информации, неизбежно порождает возможность навязывания одномерного виденья событий в наиболее выгодном контексте²³. Альтернативные источники информации при

²³ Оксфордский словарь назвал словом года термин «постправда»
URL:<https://ria.ru/society/20161116/1481498094.html> (дата обращения: 22.04.2018)

таким раскладе могут существовать, но, как правило, из-за меньшего влияния, их присутствие в информационном пространстве оказывается ограниченным, по сравнению с крупными ресурсами, имеющими большее финансирование. Ключевой же особенностью понятия «постправда», которая используется в совокупности с информационным доминированием, является эксплуатация эмоций и личных убеждений. При помощи оперирования к наиболее важным для групп населения темам и вопросам, создатели информационных конструктов могут осуществить навязывание определённой точки зрения без использования запретов в отношении иных источников информации. Применение насилия в отношении оппонентов в данном контексте просто напросто не требуется. Ведь крупным информационным ресурсам с многомиллионной аудиторией, нет надобности, применять какие-либо меры в отношении альтернативных изданий, рассчитанных на гораздо меньший круг аудитории. Подобные механизмы в данном ключе идеально сочетаются с классическими пропагандистскими приёмами, рассчитанными на широкую аудиторию.

Несмотря на сомнительность выводов о недавнем появлении ключевых элементов понятия «постправда», её практическое применение в рамках символической политики и политической культуры было предметом анализа многих леворадикальных мыслителей на протяжении всего двадцатого века. В частности, проблему ложной интерпретации политических и исторических событий поставил представитель Франкфуртской школы социальных исследований Г. Маркузе. В одной из своих ключевых работ, книге «Одномерный человек», он изложил символическую власть крупных информационных ресурсов как один из ключевых элементов общества потребления. Маркузе связывал ключевые элементы понятия «постправда» (сам термин был ему естественно не известен) с феноменом «общества потребления», акцентируя внимание на

экономических особенностях позднего капитализма²⁴.

В данном контексте ключевой идеей философа выступает формирование односторонних взглядов у индивида при помощи господства крупных источников информации, чьи владельцы в лице частных лиц и организаций или же государства, имеют определённые экономические и политические интересы, связанные с формированием тех или иных взглядов у индивидов и групп.

Качественно иное описание власти крупных информационных ресурсов дал французский неомарксист Л. Альтюссер. В одной из своих статей философ предложил разделение репрессивных и идеологических аппаратов государства²⁵. В отличие от первых, идеологические аппараты не направлены на прямое насилие, а действуют как символическая опора идеологии господствующего класса, в частности, информационный аппарат (пресса, телевиденье и тд). В отличие от концепции Маркузе, концепция Альтюссера не обозначает процесс ложной интерпретации определённых событий однозначно как негативный или позитивный. Само по себе формирование политических символов, согласно его теории идеологии, идёт в зависимости от социально-экономического развития того или иного общества и зачастую не регулируется напрямую политически. То есть особенности политической культуры и символической политики каждого государства создаются скорее прагматически, чем осознанно подбираются для более эффективного управления обществом. Подобный вывод Альтюссера основывается на его общем методологическом основании к анализу общественных процессов, который сам мыслитель обозначает как «теоретический антигуманизм»²⁶.

Политическая культура отечественного левого радикализма

²⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «REFLbook», 1994. С. 23.

²⁵ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. - Неприкосновенный запас, 2011. № 3 (77).

²⁶ См. напр.: Альтюссер Л. Марксизм и гуманизм // Альтюссер Л. За Маркса - М.: Праксис, 2006. - С. 316.

неразрывно связана с нарративом великой русской революции 1917 года, как составной частью единого советского метанарратива (если использовать терминологию Гилла). Сами политические символы, связанные с революцией, до сих пор играют важную роль в вопросах, касающихся идеологической идентификации определённых леворадикальных движений и группировок. По большей части, наследие этих символов (флаги, цвета, личности события) сконцентрированы в программах и иных нормативных документах той или иной организации, а также в ряде памятных мероприятий, проводимых организациями в целях пропаганды и агитации.

Однако нельзя сказать, что использование «красных» символов прошлого характерно только для представителей российского левого радикализма. Немецкие леворадикалы, имея богатую историю работы подобных организаций в прошлом, также активно стараются чтить имена и символы прошлого²⁷.

То есть сами политические символы выступают лишь как инструменты для агитации, ориентированные одновременно на следование историческим традициям, и на актуальную повестку в рамках современного политического процесса.

²⁷ В Берлине тысячи людей почтили память Розы Люксембург и Карла Либкнехта // Новостной сайт «Made for minds» URL: <http://www.dw.com/ru/a-42142799> (дата обращения: 22.04.2018)

Глава 2 Особенности протестной идентичности леворадикальных движений в современной России.

2.1. Идеология и политическая мифология левого радикализма

Начиная со времён Великой Французской революции, носители леворадикальных настроений (в независимости от чётких идеологических идентификаций) выступали как острые критики действующего социально-экономического строя, рассматриваемого ими как оплот насилия несправедливости. Исходным началом любой леворадикальной критики действительности выступали представления о «наилучшем будущем», которое может быть достигнуто посредством радикальных преобразований действующего порядка²⁸. В данном ключе леворадикалы выступили именно как наследники классических социалистических утопий Нового времени, таких как: «Утопия» Томаса Мора и «Город солнца» Томмазо Кампанеллы.

Стоит уточнить, что вплоть до двадцатого века различные вариации «левой идеи» рассматривались как априори радикальные, в независимости от предлагаемых ими реальных политических мер. Подобная ассоциация была вызвана особенностями развития общества того времени, которое было построено на жёсткой иерархии различных групп и индивидов. Привилегированность одних слоёв над другими и стала главным объектом критики представителей левых воззрений с момента появления самого разделения политических сил на «левых и правых».

Постоянные ассоциации с идеями «якобинства» как примера радикального преобразования общества путём разрушения старых связей и иерархий создавали леворадикалам соответствующую репутацию, что зачастую не было чем-то далёким от истины. Влияние идей Якобинского клуба сохранялось в концепциях представителей радикальных движений и групп (причём как левых, так и правых) на протяжении десятилетий.

²⁸ См. напр.: Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.; Новое литературное обозрение, 2007. С. 7.

В том же русском радикализме начала девятнадцатого века, несмотря на политические противоречия, наследие якобинцев находило актуальную политическую повестку. Как пишет О.Ф. Русакова, якобинский радикализм, отдающий предпочтение радикальным методам решения проблем, существовал практически на всех этапах революционного движения в России²⁹.

В остальном, левый радикализм с момента своего появления представлял собой разрозненные идеологические доктрины и концепции, которые объединяла лишь критика действующего политико-общественного строя. Причём сами данные концепции имели абсолютно разные истоки и идейно-теоретические базы. Базировались тогдашние леворадикальные настроения на различных концепциях «утопического социализма», которые в те времена никем как «утопические» не рассматривались. Крупнейшие мыслители данного направления (Сен-Симон, Фурье и другие) рассматривали исторический процесс как движение к освобождению человека и раскрытию его творческого потенциала. С их точки зрения, солидарная деятельность и общественные институты в будущем неизбежно будут способствовать увеличению благосостояния беднейших слоёв населения.

С точки зрения советского историка В.П. Волгина, в дальнейшем, последователи подобных концепций разработали принцип «Каждому по способности, каждой способности по её делам», что также отразилось на их практической политической деятельности³⁰.

Радикально революционным событием для сторонников левого радикализма в девятнадцатом веке стало появление идей К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в дальнейшем получили общее наименование «марксизм». Марксистские идеи оказали колоссальное влияние не только на носителей

²⁹ Русакова О.Ф. Радикализм в России: проблемы типологии // Вестник ЧелГУ, Т.1. №1 (3). С. 4.

³⁰ Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей с Древности до конца XVIII в. М.: Наука, 1975. С. 142.

левых взглядов, но и осуществили настоящую революцию в сфере научных и идеологических дискуссий того времени.

Несмотря на иллюстрированную преемственность марксизма с предшествующими социалистическими учениями, которые послужили одним из его идейно-теоретических источников³¹, отцы-основатели марксистской парадигмы сразу обозначили методологический разрыв с идеями своих предшественников, утопических коммунистов и социалистов³².

Ключевое отличие марксистской методологии анализа общественных процессов от традиционных социалистических подходов заключалось в её жёсткой ставке на сциентизм. К. Маркс и Ф. Энгельс сами называли своё учение «научным коммунизмом», подчёркивая его качественное отличие от старого утопического коммунизма. Подобный подход обязывал своих сторонников рассматривать все иные варианты леворадикальной мысли как ложные и попросту ненаучные. Для обоснования данной позиции марксисты использовали концепцию «классовой борьбы», рассматривая все иные варианты социализма как «буржуазные», «мелкобуржуазные» и тд.

Сциентистская ориентация марксизма проявлялась в отказе от гуманистической критики капитализма на уровне теории, что было неотъемлемым элементом всех видов домарксистской леворадикальной мысли.

Описывая данную особенность методологии Маркса, французский философ Л. Альтюссер использует концепцию «эпистемологического разрыва», подчёркивая, что гуманистическая проблематика, характерная для старых социалистических концепций, идей Эпохи Просвещения в целом и для самого Маркса в его более ранних работах, в произведениях позднего

³¹См. напр.: Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. С. 51-55.

³² Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М.: Издательство политической литературы, 1960. С. 45-46.

марксизма всецело отбрасывается, формируя подлинно научный анализ общественных отношений³³.

Несмотря на весьма дискуссионный характер подлинной «научности» марксизма, следует констатировать, что сама марксистская методология анализа общественных отношений базировалась на научной критике капиталистических отношений, в основе которых, лежала экономическая эксплуатация. Такие понятия как «справедливость» и «человечность» не являлись основой метода К. Маркса и Ф. Энгельса.

Особенности марксистской критики капитализма неизбежно отразились и на политическом поведении тех или иных политических организаций, отождествляющих себя с марксизмом. Ключевой особенностью марксистских политических организаций стала их ориентация на немедленные революционные преобразования. Сам К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» неоднократно подчёркивал, что кардинально изменить политический порядок способна лишь революция, а не реформистские практики³⁴. Также стоит упомянуть, что само государство он рассматривал как исключительно оружие классового господства. Так, в третьем томе «Капитала» немецкий мыслитель подробно раскрывает данный тезис³⁵. Подобный подход отцы-основатели марксистской теории демонстрировали и в иных работах, что неизбежно отразилось на политической практике леворадикального движения того времени. Как отмечает известный исследователь марксизма, академик РАН Т. И. Ойзерман, подобная недооценка реформизма и ориентация на немедленные

³³ Альтюссер Л. О молодом Марксе // Альтюссер Л. За Маркса. М.: Практикс, 2006. С. 50-53.

³⁴ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Сочинения, т. 8, М.: Издательство политической литературы, 1957. С. 132.

³⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий // Сочинения, т. 25, ч. 1, М.: Издательство политической литературы, 1961. С. 422.

революционные политические преобразования была следствием ряда утопических заблуждений основателей марксистской теории³⁶.

Учитывая, опыт достижений «социального государства» в двадцатом веке и то, что проводником подобных реформ выступали, как правило, представители левых политических течений, с этим утверждением можно согласиться.

Помимо марксистских концепций, колоссальное влияние на теорию и практику левого радикализма оказали анархистские идеи, получившие распространение в девятнадцатом веке наряду с иными вариантами социалистической идеологии. Современный российский историк П.В. Рябов прослеживает истоки анархистских позиций в учениях многих мыслителей, начиная со времён Античности и Средневековья (ряд киников, стоиков и российских духоборцев)³⁷. Однако, несмотря на идеологическую привлекательность концепций автономных коммун с действующим рабочим самоуправлением, анархистское движение никогда не имело развитой организационной структуры. В сравнении с той же европейской социал-демократией, анархисты и не пытались строить развитую сеть политических организаций, во многом из-за своего идеологического неприятия любого вида иерархии, без чего не может обойтись политическая организация, настроенная на реализацию своей политической программы. В результате анархистское движение на разных этапах своего существования представляло собой различные небольшие группировки, чьё различие заключалось не столько в идеологической сфере, сколько в отсутствии организационной структуры. Кроме того, в отличие от марксизма, анархизм не имел устойчивой сциентистской ориентации. Анархисты критиковали капиталистическое общество, следуя традициям старых социалистических концепций, то есть при помощи гуманистической методологии. Подобный

³⁶ Ойзерман Т. И. Избранные труды: В 5 т. Т. 2. Марксизм и утопизм. – Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2014. С. 296.

³⁷ См. напр.: Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). М.: «Вузовская книга», 2007. С. 8.

метод не отличался оригинальностью из-за определённых утопических ассоциаций. Стоит отметить, что отчасти данный тезис подтверждает и Д. Грэбер, характеризуя анархистскую методологию как этическое обоснование революционной практики. Марксизм же с точки зрения американского антрополога занимается, в основном, научным построением революционной теории, что является именно качественно отличительной спецификой наследия К. Маркса³⁸.

Марксистская ориентация на научный анализ капиталистического общества не избежала догматизации и ещё в конце девятнадцатого века большинство последователей К. Маркса и Ф. Энгельса рассматривали их теории как «нечто законченное и не нуждающиеся в изменениях». Несмотря на то, что подобное отношение к иным социально-экономическим концепциям было характерно и для самих отцов-основателей марксистской теории на позднем периоде их деятельности³⁹, марксизм позиционировался именно как критическая теория, которая критически оценивала любые рассуждения о некой вечной истине. Сам марксистский исторический подход рассматривал любые заявления о конечном знании в контексте их исторической эпохи, что отчасти, не имело место в оценке самого марксизма многими его последователями.

Термин «ревизионизм» возник как нарицательное «ошибочного пересмотра» идей Маркса и Энгельса, и в дальнейшем прочно закрепился в текстах сторонников марксистской ортодоксии. Несмотря на то, что данный термин чаще всего применялся при рассмотрении идей немецкого социал-демократа Э. Бернштейна, пересмотр марксистских концепций начался ещё при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса.

³⁸ Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 9.

³⁹См. напр.: Ойзерман Т.И. Избранные труды: В 5 т. Т. 3. Оправдание ревизионизма. – Ин-т философии РАН. М. : Наука, 2014. С. 18.

Немецкий «катедер-социализм» был первой попыткой пересмотреть ряд положений классического марксизма. Представители данного течения общественной мысли согласились с рядом положений Маркса и Энгельса, однако подвергли критике их экономический детерминизм и материалистический подход. По существу, многие предложения катедер-социалистов базировались на этической аргументации⁴⁰.

Однако главной целью критики марксизма со стороны представителей катедер-социализма была ориентация последователей К. Маркса на немедленные революционные преобразования. Излишнему радикализму марксистов немецкие профессора и приват-доценты противопоставляли курс на умеренные реформы в области расширения роли государства в экономике и создания системы социального страхования рабочих. По сути, катедер-социалисты были первыми, кто попытался адаптировать марксизм к легальной политической практике, то есть убрать из него тот самый радикализм, характерный для последователей учения Маркса. В дальнейшем, подобные течения ортодоксальные марксисты обозначали как «реформизм», что однозначно ими рассматривалось как отрицание революционности рабочего класса, и не подвергающиеся сомнению.

Другим направлением умеренной адаптации марксистских концепций можно назвать идеи «Фабианского общества», получившие распространение в Великобритании второй половины девятнадцатого века. Сторонники фабианства полагали, что улучшение капиталистического общества можно достичь путём медленных и постепенных реформ путём деятельности рабочего класса в профессиональных союзах⁴¹. Тактику легальной борьбы, направленную на конкретные требования по улучшению жизненных условий рабочих, фабианцы рассматривали как более эффективную, чем радикально-политические требования марксистских партий.

⁴⁰ Там же. – С. 127-128.

⁴¹ Там же. – С. 240.

Несмотря на первоначальное отрицание фабианского опыта, и дальнейших действий со стороны уже Лейбористской партии Великобритании, чьи идеи во многом основывались на концепциях Фабианского общества, социал-демократические партии сами стали брать на вооружение их методы и тактику политической деятельности. То есть, несмотря изначальную радикальность идей К. Маркса, часть его последователей, в дальнейшем, стала двигаться в сторону более умеренных политических шагов в рамках левого спектра. Другая же часть, сохранившая верность революционным требованиям, объявила себя единственными наследниками «подлинного марксизма», осудив «оппортунизм» реформистского крыла. Окончательный разрыв между этими двумя направлениями оформился после Октябрьской революции в России и политической практики большевистской партии. Размежевание на коммунистов, поддерживающих революционную диктатуру пролетариата⁴², и на социал-демократов, выступающих за мирный переход к социализму, впредь стало окончательным.

Наиболее радикальные элементы поддержали Ленина, что послужило образованию Коммунистического интернационала и появлению нового феномена в истории европейского и всемирного левого радикализма, «коммунистического движения». Поддерживая единую революционную стратегию, коммунистические партии-члены Коминтерна стремились повторить опыт партии большевиков в своих странах.

Однако в отношении вопроса о методах осуществления практической части представители крайне левого крыла Коминтерна выступили против какого-либо участия в парламентской деятельности. Пытаясь удержать организации от чрезмерного радикализма, В.И. Ленин окрестил данные течения детской болезнью «левизны». С его точки зрения, подобные настроения являются следствием отсутствия компромиссов и общей

⁴² Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 7.

недальновидностью ряда деятелей в рамках осуществления подготовки к грядущей пролетарской революции⁴³.

Дальнейшая практика международного коммунистического движения не избежала подобных размежеваний касательно стратегий и целей политической борьбы. С начала образования СССР и болезни Ленина в большевистской партии возобновились дискуссии относительно будущего мировой революции и советского государства. В конечном итоге, данный процесс привёл к очередному размежеванию на две враждующие тенденции: «сталинизм» и «троцкизм». Стоит отметить, что в данном примере, раскол не произошёл по причине умеренности или радикальности. Представители обоих течений позиционировали себя как истинно радикально-революционные организации.

Несмотря на то, что ряд исследователей отрицают монолитность идей левой оппозиции в РКП(б) в 1920ые годы⁴⁴, именно её концепции легли в основу тех воззрений, которые впоследствии получают наименование «троцкизм». Сам Л.Д. Троцкий не считал собственные идеи чем-то новым по сравнению с традиционными большевистскими воззрениями⁴⁵, однако, в данном контексте на передний план встала именно стратегия революционной борьбы, которая рассматривалась как наиболее эффективная и отвечающая «подлинности идей К.Маркса».

В дальнейшем именно за троцкистскими движениями в научно-исследовательской литературе закрепляется термин «леворадикалы», чему отчасти способствовала тактика «энтризма», заключающаяся во внедрении активистов в крупные левоцентристские партии с намерением радикализировать их, и направить к революционным действиям. Подобная тактика не только создала троцкистским организациям репутацию

⁴³ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 51.

⁴⁴ См. напр.: Резник А.В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923-1924 годы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 257.

⁴⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: ПРОЗАиК, 2014. С. 424-425.

«политических сектантов», но и привела к постоянным расколам среди огромного числа леворадикальных организаций. Обосновывая тактику «энтризма», известный британский троцкист Тед Гранд полагал, что традиционные крупные политические партии имеют большие возможности для работы с массами, чем карликовые движения и группировки⁴⁶. Учитывая опыт подобной стратегии и её результаты, можно не согласиться с точкой зрения Гранда, особенно в контексте маргинализации многих леворадикальных движений и групп.

Несмотря на отсутствие реальных практических достижений, троцкистские группировки оказали масштабное влияние на ряд иных левых политических партий и групп, что отчасти было связано со спецификой политической культуры самих троцкистских движений. Центральной темой в их интерпретации становится роль революционной политической партии, её руководства и связи с рабочим классом. В результате, краеугольным камнем троцкизма становится тема «предательства лидеров». Подобный элемент можно обнаружить и в работах самого Маркса и Ленина, однако, как отмечает Б.Ю. Кагарлицкий, подобная заикленность на предательстве вождей превращает данную тему в навязчивую идею⁴⁷. Пролетарские массы, рассматриваемые как неизбежно революционные, которые неизбежно стремятся к революционным преобразованиям, но каждый раз «неправильное руководство» производит «бюрократическую контрреволюцию».

Результатом подобной тактики стали постоянные расколы и распады крупных троцкистских организаций по причине острых идеологических разногласий. Причем зачастую разногласия могли носить, весьма незначительный характер, что, однако, рассматривалось лидерами и

⁴⁶ Grand T. The International Situation and Perspectives (Part Two)
<http://www.marxist.com/international-situation-perspectives240807.htm> (дата обращения: 02.05.2018).

⁴⁷Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 49.

идеологами как повод для кардинального разрыва и создания новой независимой организации.

В условиях послевоенной Европы и относительной стабилизации политических систем большинства европейских стран, коммунистические партии, следовавшие сталинской политической линии, постепенно утрачивали свои радикальные и революционные настроения и становились полноправными участниками парламентской борьбы в своих странах. Подобные тенденции особенно обострились после смерти И.В. Сталина и XX съезда КПСС, что лишь расширило возможности для дальнейшего движения европейских компартий в сторону более умеренной политической деятельности. Особенно данный процесс коснулся Французской и Итальянской коммунистических партий, как крупнейших марксистских организаций Западной Европы. В результате, утрата радикальных настроений привела к рождению идеологии «еврокоммунизма», которая официально будет оформлена значительно позже. Подобные тенденции быстро охватили ряд коммунистических партий, как Западной Европы, так и других регионов мира. Главной особенностью еврокоммунизма выступала не только ориентация на легальные методы парламентской борьбы, но также и отказ от концепции «диктатуры пролетариата», одной из базовых основ советского «марксизма-ленинизма»⁴⁸.

Большинством исследователей возникновение еврокоммунизма рассматривается как естественный политический процесс⁴⁹, однако ключевые причины появления данного идеологического течения в исследовательской среде оцениваются по-разному. Так, критикуя действия руководства ФКП, французский философ Этьен Балибар, видит истоки отказа от радикальной повестки в действиях самого И.В. Сталина, когда он в середине 30-ых

⁴⁸ Фернандес А. Пути левой интеллигенции: коммунизм, еврокоммунизм, советский проект // Альманах «Восток» URL:http://www.situation.ru/app/j_art_36.htm (дата обращения: 07.05.2018)

⁴⁹ См. напр.: Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 89.

объявил о конце классовой борьбы в СССР и окончательном построении социалистического общества⁵⁰.

Несмотря на различные оценки, следует констатировать, что принятие еврокоммунистических установок западноевропейскими компартиями окончательно утвердило их практический и теоретический разрыв с левым радикализмом, характерным для подобных организаций в прошлом.

В данном контексте отказ ведущих коммунистических партий от радикальной повестки способствовал радикализации множества иных левых движений и группировок, критикующих действия официальных компартий в разной степени. Краеугольным камнем данного процесса можно обозначить знаменитый «красный май» 1968 года в Париже. Несмотря на то, что организации французских «гошистов» состояли, по большей части, из традиционных анархистских и троцкистских организаций, сам формат и идеология политического протеста качественно отличалась от предыдущих форм левого радикализма. Новые организации, позиционирующие себя как «новые левые», противопоставляли себя «старым левым» в лице коммунистов и социал-демократов, критикуя их за бюрократизм и нонконформизм. Стоит уточнить, что сами движения «новых левых» не имели чёткой программы действий. Ключевым образом, основываясь на идеях гуманистической парадигмы неомарксизма⁵¹, подобные организации не выступали за конкретные требования для определённой социальной группы, рассматривая это как нонконформизм⁵².

Вместо борьбы за интересы рабочего класса, характерной как для коммунистов, так и для социал-демократов, «новые левые» видели свою главную задачу в культурной критике капитализма. То есть недовольство капиталистической системой со стороны «новых левых» заключалось в

⁵⁰ Балибар Э. О диктатуре пролетариата. Социальной критики contr.info, 2008. – С. 21.

⁵¹ См. напр.: Куренной В. А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. № 1. С. 23.

⁵² Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. Изд, стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 89.

обезличивании массовой культуры, формировании «общества потребления» и нападках ряда государств на демократические ценности.

Несмотря на то, что ряд идеологов «новых левых» не отказывались от наследия классических леворадикальных мыслителей (в особенности от К. Маркса), подобные тенденции сразу же подверглись масштабной критике как слева, так и справа. Сторонники ортодоксального марксизма традиционно обвинили идеологов «новых левых» в ревизионизме и оппортунизме, не особо вдаваясь в особенности их идейно-теоретических воззрений. Более конкретную философско-теоретическую критику подобных настроений справа дал французский социолог Р. Арон. Полемизируя с Жаном-Полем Сартром и экзистенциалистской линией левого радикализма в принципе, Арон подчёркивает, что подобная критика с позицией «гуманизма и освобождения человека» имеет крайне мало общего с марксизмом, который в своём основании всегда имел материализм, который оппонирует подобным идеалистическим лозунгам⁵³.

Дальнейшая идейно-теоретическая эволюция «новых левых» неизбежно была связана с поражением данного направления. Активность подобных леворадикальных групп была тесно связана с деятельностью новых социальных движений (хиппи, феминистских организаций и ЛГБТ) и особенно с антивоенным движением, чьи активисты активно протестовали против войны во Вьетнаме. Однако с началом 70-ых годов, идеологическая повестка «новых левых» пережила кризис, а после окончания войны и вовсе прекратила своё существование.

Несмотря на это, подобные леворадикальные концепции трансформировались, с одной стороны в теорию культурной критики капитализма, которая нашла своих сторонников в ряде крупнейших левых и леволиберальных организаций в мире, с другой же стороны идеи «новых

⁵³ Арон. Р. Воображаемые марксизмы. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 172.

левых» сильно повлияли на становление «левого терроризма» 1970-ых годов⁵⁴.

Практические и политические неудачи движения «новых левых» сыграли определённую роль в масштабной радикализации ряда леворадикальных группировок, впоследствии трансформировавшихся в левоэкстремистские организации. Речь в данном контексте идёт о «Фракции Красной армии» (RAF) в ФРГ и «Красных бригадах» в Италии.

Коренным отличием данных группировок, как от движения «новых левых», так и от традиционных левых революционных организаций начала XX века является их исключительная ориентация на ведение городской партизанской войны и методику индивидуального террора. Идеино-теоретические и идеологические вопросы подобными группировками не конкретизировались, они ограничивались лишь общими положениями о «борьбе с американским империализмом» и «свержении класса буржуазии».

Одна из основателей Фракции Красной армии (RAF) Ульрика Майнхоф подчёркивает, что основой любой подобной организации, является её реальная ориентация на сопротивление господствующему режиму. Причём, Майнхоф кардинально проводит грань между «протестом» и «сопротивлением», считая протестную активность не более чем «пустыми разговорами». Она пишет: «...Протест — это когда я заявляю: то-то и то-то меня не устраивает. Сопротивление — это когда я делаю так, чтобы то, что меня не устраивает, прекратило существование»⁵⁵.

Несмотря на ряд успешных террористических актов, деятельность организаций подобного типа не привела к широкому распространению подобного рода тактики. Те же «Красные бригады» на определённом

⁵⁴ Тарасов А.Н. Русские дети Че Гевары и Джерри Рубина. Новые левые в России. <http://saint-juste.narod.ru/mtimes.htm> (дата обращения: 07.05.2018).

⁵⁵ Майнхоф У. От протеста – к сопротивлению. Пер.: А.Н. Поддубного; Под. ред. А.Н.Тарасова // Научно-просветительский журнал «Скепсис» URL: http://sceptsis.net/library/id_659.html (дата обращения: 07.05.2018).

момента хоть и имели численность в 25 тысяч человек⁵⁶, но никаких реальных политических результатов подобные организации так и не достигли.

Конец 1970-ых годов ознаменовал собой новый революционно-политический и экономический переход в мировой истории, связанный с таким феноменом как «политика неолиберализма». Избрание премьер-министром Великобритании М. Тэтчер и президентом США Р. Рейгана положило начало новому глобальному тренду в мировой политике и экономике, что сильно отразилось на левом радикализме, как на теоретической и практической критике капитализма.

Главным направлением неолиберальной экономической политики стало тотальная борьба с «государством всеобщего благосостояния», которое экономисты австрийской и чикагской экономических школ (Ф. Хайек и М. Фридман), считали ошибочным и нежизнеспособным. Экономическое планирование и социальное обеспечение с их точки зрения является дорогой к рабству, что и продемонстрировали социалистические режимы⁵⁷.

Одной из важнейших идеологических особенностей политики неолиберализма, являлось создание и популяризация идеи о том, что никакой альтернативы ей не существует. Причём сами теоретики неолиберализма в корне отрицали какую-либо вообще идеологическую привязку, позиционируя свои идеи лишь как банальный вывод современной экономической науки. Здесь стоит уточнить, что и до начала воплощения неолиберальных концепций в жизнь, социальная поддержка населения со стороны государства в той же Великобритании подвергалась критике со стороны СМИ и различных исследовательских центров, близких к английскому финансовому капиталу⁵⁸.

⁵⁶ Тарасов А.Н. Как победить терроризм. ЯБЛОКО России, № 39, 9-16 октября 1999 г. URL:http://www.yabloko.ru/News/Praper/39_99/yr-3999-9.html (дата обращения: 07.05.2018).

⁵⁷ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006. С. 58.

⁵⁸ См. напр.: Харви Д. Краткая история неолиберализма. — М.: Поколение, 2007. С. 35.

Главной же причиной неолиберальной экономической политики рядом исследователей рассматривается поиск дешевой рабочей силы и подрыв рабочего движения в развитых странах. Как отмечает теоретик мир-системного анализа, российский политолог Б.Ю. Кагарлицкий, массовое перемещение производств в страны третьего мира не только разрушило традиционные профсоюзы и крупные промышленные центры, но и позволило крупному капиталу нанимать низкоквалифицированных рабочих, не обладающих опытом борьбы за собственные социальные и трудовые права⁵⁹.

Подобный процесс кардинальным образом ударил по мировому левому движению (как по умеренным, так и по радикальным течениям). Кризис социального государства и гегемония неолиберализма не оставила левым права голоса, превратив их риторику в маргинальный политический дискурс. Данная тенденция сильнее усугубилась на фоне антикоммунистических революций в странах Восточной Европы и распаде СССР. Несмотря на то, что многие представители леворадикальных течений к Советскому союзу относились достаточно критически (те же троцкистские партии и движения), крах мировой социалистической системы поставил под вопрос возможность альтернатив капитализму, как таковых. В результате, мировое левое движение подверглось тотальному идейно-теоретическому кризису, что привело к их движению в сторону левого либерализма.

В данном контексте интересным является то, что подобная смена позиций стала характерным явлением не только для социал-демократических партий, открыто перешедших под леволиберальные концепции, но и для значительного числа леворадикальных партий и движений, сменивших радикальную повестку с классовой на культурную. Культурная критика капитализма стала трендом, позволившим ряду авторов заявить о смерти марксистского учения как такового. Так, американский консервативный

⁵⁹ Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. СПб.: ООО «Полиграф», 2013. С. 43.

философ и историк П. Готфрид подверг критике данное направление леворадикальной мысли, заявив о смерти марксизма как целостного критического анализа⁶⁰.

Несмотря на ряд методических неточностей, с мнением Готфрида можно согласиться, особенно учитывая то, что марксистские партии и движения всегда позиционировали себя именно как классовые организации, стремящиеся к защите социальных и трудовых прав рабочих, а также к дальнейшей трансформации общественно-экономических отношений.

Интересно, что ряд схожих мыслей выражает и Б.Ю. Кагарлицкий в книге «Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма». С его точки зрения культурная критика капитализма не только абсолютно бесполезна, но и тактически неэффективна для леворадикального движения. Использование тактики «коалиции различных меньшинств» и следование нормам политкорректности формирует маргинальный интеллектуальный слой в рамках левых партий и движений, слой, который крайне презрительно относится к нуждам наемных работников. При этом реальные социальные вопросы, которые на протяжении многих десятилетий считались темой для левых, артикулируются ультраправыми политическими партиями, ориентирующимися на популистскую политику⁶¹.

Основные вопросы, связанные с идентичностями, по мнению Кагарлицкого, не должны политизироваться, оставаясь частными вопросами. Те же права женщин давно стали неким политическим клише в рамках современного политического процесса. Яркое стремление радикальных левых организаций защищать женщин от «патриархальной угрозы» в рамках капиталистической экономики не имеет ничего общего с реальной борьбой за социальные права. Касательно вопроса с мигрантами, многие леворадикальные движения отстаивают тезис о снятии любых барьеров,

⁶⁰ Готфрид П. Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2009. С. 212.

⁶¹ Кагарлицкий Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики (серия «политическая теория»), 2017. С. 226-227.

сдерживающих миграцию из стран третьего мира. При этом подобные меры бьют в первую очередь именно по европейским наёмным работникам, у которых, иностранные рабочие с низкой квалификацией и низкими требованиями по заработной плате, обтирают рабочие места. В результате, европейские трудящиеся становятся избирателями крайне правых партий, которые не стесняются использовать социальную повестку в рамках своих избирательных компаний⁶².

Несмотря на тотальный кризис мирового левого радикализма, его новым воплощением стало всемирное альтерглобалистское движение, возникшее в самом конце 1990-ых годов. В отличие от леволиберальных течений, альтерглобалисты не занимались культурной критикой, отдавая предпочтение уличным акциям протеста с конкретными социально-экономическими требованиями. При этом сам по себе термин «альтерглобализм» не использовался самим альтерглобалистским движением и возник скорее вследствие его использования в СМИ. При этом теоретики данных направлений подчёркивали, что выступают не против объединения мира как такового, а лишь против глобального капитализма⁶³.

Альтерглобалисты избегали формулирования чётких идейно-теоретических концепций политической борьбы, опасаясь идеологического размежевания. Тем не менее, они сформулировали определённый набор практик и лозунгов, способствующих объединению различных левых сил, несогласных с политикой неолиберализма. Ключевую роль в данном направлении сыграло проведение Всемирного социального форума, позиционируемого как альтернатива Всемирному экономическому форуму, ставшему, по мнению альтерглобалистов, институтом продвижения неолиберальных доктрин во всём мире.

⁶² Там же. – С. 69.

⁶³ См. напр.: Klein N. No Logo: Taking Aim at the Brand Bullies. - Knopf Canada and Picador, 1999. P.

Описывая особенности идеологии всемирного альтерглобалистского движения, британский леворадикальный мыслитель А. Каллиникос пишет, что столь пристальное внимание крупных мировых СМИ к альтерглобалистам связано с тем, что они чуть ли не единственные кто открыто популяризирует идею о том, что неоклассическая экономическая теория и распространенная догматика об «абсолютной эффективности финансовых рынков» неверны, причём неверны эмпирически⁶⁴.

Схожие идеи мы можем обнаружить и у австралийского экономиста Дж. Куиггина, использующего термин «зомби-экономика». С его точки зрения, подобные теории об «абсолютной эффективности свободного рынка» уже давно опровергнуты реальной исторической и политической практикой, но, тем не менее, эти мёртвые идеи продолжают производиться снова и снова⁶⁵.

Главная слабость альтерглобалистского движения заключалась в их ставке исключительно на уличный протест, практически полностью, исключая методику реальной политической борьбы посредством выборов и иных демократических процедур. Традиционные парламентские левые организации хоть и могли высказывать свои симпатии альтерглобалистскому движению, но в контексте реальной политической повестки их отход от неолиберальной парадигмы был минимален. Концепция «третьего пути», провозглашённая британским социологом Э. Гидденсом, не была официально признана многими официальными левыми партиями и движениями, но её реальная реализация, заключающаяся в следовании неолиберальной парадигме, нашла своё отражение в деятельности практически всех парламентских левых в западном мире.

Радикальным переосмыслением данной стратегии стал феномен «левого популизма» получивший распространение в ряде западных стран.

⁶⁴ Callinicos A. An anti-Capitalist manifesto. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 41.

⁶⁵ См. напр.: Куиггин Дж. Зомби-экономика: Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики (серия «экономическая теория»), 2016. С. 37.

Качественное отличие данного феномена от предыдущих форм левого радикализма заключалось в том, что сами по себе левопопулистские организации и конкретные политики не идентифицировали себя как радикалов. Избирательные кампании Джереми Корбина в Великобритании (2017), Жана-Люка Меланшона во Франции (2017) и Берни Сандерса в США (2016), несмотря на ряд идеологических расхождений между ними, не отличались чрезмерным левым радикализмом.

К примеру, предвыборная программа Лейбористской партии Великобритании не отличалась радикальными политическими требованиями. «Манифест Корбина» предполагал лишь частичную национализацию ряда отраслей промышленности, увеличение социальной поддержки населения и повышение налогов на сверхбогатых⁶⁶.

Несмотря на столь умеренные социал-демократические требования, крупнейшие британские СМИ окрестили Лейбористскую партию как популистскую, предлагающую невозможные экономические требования. Так, лидер Консервативной партии Тереза Мэй высказала мнение, что данная программа приведёт Великобританию к экономической катастрофе⁶⁷.

То есть здесь мы можем сделать вывод, что сам политический центр сместился вправо, от чего к левому радикализму стали относиться даже умеренные по прошлым идеологическим категориям концепции.

На наш взгляд, подобный «правый политический дрейф» неизбежно будет способствовать популяризации подобных форм левого радикализма, особенно учитывая тот факт, что реальных радикальных преобразований подобные организации и фигуры не предполагают. Касательно дальнейших идейно-теоретических преобразований леворадикальной идеологии однозначной точки зрения нет, однако, на наш взгляд, можно согласиться с

⁶⁶Манифест Лейбористской партии Великобритании. URL: <https://labour.org.uk/manifesto/> (дата обращения: 08.05.2018).

⁶⁷Тереза Мэй раскритиковала политическую позицию Корбина. Сайт «РИА Новости». URL:<https://ria.ru/world/20170426/1493160605.html> (дата обращения: 08.05.2018).

мнением американского литературоведа Ф. Джеймисона, полагающего, что, несмотря на масштабные идеологические трансформации, марксистские концепции не утратили свой революционный потенциал⁶⁸.

В данном контексте идеология и политическая мифология отечественного левого радикализма не отличается столь актуальной политической повесткой. Появившись во времена поздней Перестройки, которую ряд исследователей рассматривают как «отрицательную революцию»⁶⁹, российские леворадикалы в поисках идентичности, воспроизвели традиционные социалистические концепции в истории России. Особенно данная тенденция касалась анархистских и сталинистских организаций⁷⁰. Подобные движения и группировки не пытались строить реальную политическую стратегию, отдавая предпочтение идеологическим вопросам и разборкам между собой. В дальнейшем к подобным течениям подключились и различные троцкистские движения и группировки, возникшие уже после 1991 года.

После распада СССР и начала радикально-буржуазных реформ, способствующих радикализации ряда российских леворадикальных движений, подобные группировки участвовали в процессе уличных протестов, характеризующихся столкновения с правоохранительными органами. Апофеозом протестной активности стали октябрьские события 1993 года в Москве, сопровождающиеся расстрелом здания «Верховного совета».

Ключевой идеологической особенностью российского левого радикализма 90-ых годов стала с одной стороны ориентация на возвращение старого порядка, с другой же стороны процесс гибридизации с рядом националистических воззрений. В условиях открытого сопротивления

⁶⁸ Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Философско-литературный журнал «Логос». 2005. № 3 (48). С. 245-246.

⁶⁹ См. напр.: Магун А.В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 57-58.

⁷⁰ Тарасов А. Н. Революция не всерьёз. Екатеринбург.: Ультра.Культура, 2005. С. 39-40.

неолиберальному курсу Б.Н. Ельцина, основные требования левой и национал-патриотической оппозиций во многом совпадали. В дальнейшем, подобные тенденции выродились в термин «красно-коричневые», раскрученных при помощи крупнейших СМИ, поддерживающих политику властей. Помимо формирования, так называемой «Национал-большевистской партии», чьи идеологи попытались адаптировать данные течения на качественном идейно-теоретическом уровне, подобные «лево-правые течения» плавно перешли в сформированную КПРФ. Идеология данной партии в сочетании с левоцентристской повесткой представляла собой сплав из различных левых и правых концепций, идейно-противоречащих друг другу⁷¹.

В дальнейшем, различные российские леворадикальные движения и группировки, возникающие как отколы от крупных партий или же как новые организации отличались сектантской природой и маргинальной политической повесткой, которая неспособна привести подобные организации к участию в реальной политической борьбе на данном этапе.

⁷¹См. напр.: Кагарлицкий Б. Ю. Политология революции. - М.: Алгоритм, 2007. С. 450

2.2. Символические практики леворадикальных движений

Одним из ключевых отличий российских леворадикальных движений от других подобных организаций в западном мире является сам подход к использованию политических символов на теоретическом и практическом уровне. Любая символика является неотъемлемым атрибутом политического движения, которое ярко демонстрирует свою идеологическую идентичность, однако сами символические практики могут существенно различаться в зависимости от разной степени «фетишизации» политических символов. Под данным термином мы понимаем не только различного рода материальные предметы (флаги, гербы, знаки и тд), но и определённые словесные конструкции, зафиксированные в программных документах того или иного движения. Данные конструкции в совокупности с политической символикой позволяют определить особенности символической и идеологической практик при анализе определённой организации, позиционирующей себя как леворадикальную.

Как отмечает российский социолог А.Н. Тарасов, ключевой особенностью отечественных леворадикальных движений и группировок является их «квазиреволюционность». То есть, та или иная организация может относить себя к «революционным» организациям и использовать в своих программных документах соответствующую терминологию. Однако в реальной политической деятельности соответствующие символические практики являются не более чем формой «исторического фетишизма»⁷².

Несмотря на то, что в данном ключе с оценкой Тарасова частично можно согласиться, на наш взгляд, исследователь поступает некорректно, используя для оценки современных организаций типологию начала прошлого века. Ведь сами по себе такие понятия как: «революционность» или «радикальность», на наш взгляд, следует понимать не абстрактно, а конкретно в зависимости от исторической и политической обстановки.

⁷² Тарасов А. Н. Революция не всерьёз. – Екатеринбург.: Ультра.Культура, 2005. С. 5-7.

То есть, степень «радикальности» того или иного движения зависит не от общих соответствий каким-то стандартам, а скорее от конкретной политической обстановке, формирующей политическую повестку.

Несмотря на данные условности, а также на тот факт, что исследование А.Н. Тарасова проводилось в 2005 году, его ключевая концепция «символической квазиреволюционности» остаётся актуальной для анализа современного российского левого радикализма.

Наиболее крупной и влиятельной отечественной леворадикальной структурой можно обозначить «Российской объединённый трудовой фронт» (РОТ Фронт). Данная организация представляет собой коалицию различных левых организаций, однако, ключевую роль в ней играет «Российская коммунистическая рабочая партия» (РКРП).

Символические практики данной леворадикальной коалиции проявляются в ориентации исключительно на вопросы социально-трудовых отношений⁷³, исключая вопросы политической стратегии. При анализе программных документов РКРП, данная особенность становится тактически понятной, учитывая тот факт, что РОТ Фронт всё-таки является коалицией.

Символические же практики РКРП непосредственно связаны с их «исторической фетишизацией» истории СССР и конкретно периода правления И.В. Сталина. Данная историческая личность позиционируется ими как величайший политик XX века, а дальнейшие события, связанные «отказом от культа личности» расцениваются как ревизионизм и движение в сторону реставрации капитализма⁷⁴.

При этом, реальные политические предложения РКРП относятся к описанию будущего общества, рассматриваемого ими как возрождение Советского союза. В данном контексте политическая программа РКРП с

⁷³ Программа партии РОТ Фронт // Официальный сайт партии «РОТ Фронт» URL: <https://www.rotfront.su/program> (дата обращения: 08.05.2018).

⁷⁴ Программа партии РКРП // Официальный сайт партии «РКРП» URL: <https://rkrp-rpk.ru> (дата обращения: 08.05.2018).

точки зрения символических практик выглядит чрезмерно абстрактной, особенно на фоне политически-конкретной программы партии РОТ Фронт.

Здесь стоит уточнить, что сам по себе процесс «исторической фетишизации» не обязательно связан с историей СССР. Показательным примером данного тезиса выступает «Революционная рабочая партия» (РРП). Возникнув в конце 1990-ых годов как троцкистская политическая организация, РРП пережила несколько масштабных расколов, что является характерным явлением для многих западных организаций подобного типа. Интересным здесь является то, что в отличие от РКРП, РРП в качестве символических практик использует политическую деятельность «Левой оппозиции» 1920-ых годов и ряда европейских троцкистских движений 1930-ых годов. Программа данной партии содержит определённый набор абстрактных лозунгов, имевших популярность в первой половине двадцатого века («Да здравствует мировая революция!»)⁷⁵. К данному набору символических практик относится и их символика, которая является адаптированной версией символики немецкого «Союза красных фронтовиков».

Сама программа РРП избегает конкретных политических шагов, отдавая предпочтение абстрактному описанию идеологических особенностей движения, что является характерной чертой «политического сектантства». Подобные организации и движения, как правило, не ориентированы на реальную политическую борьбу, отдавая своё предпочтение ожесточённым идеологическим дебатам и дискуссиям в маргинально-политической среде⁷⁶.

Относительно похожую символическую специфику можно обнаружить и в программных документах Российского социалистического движения (РСД), основанного в 2011 году путём объединения ряда

⁷⁵ Программа «Рабочая демократия» // Официальный сайт партии «РРП» URL: <http://gwr.ru/программа/> (дата обращения: 08.05.2018).

⁷⁶ Биец С. Интервью о текущем моменте. URL: <http://levoradikal.ru/archives/14979> (дата обращения: 08.05.2018).

отечественных леворадикальных групп. По словам основателей данной структуры, ключевой целью подобного объединения небольших левых организаций является попытка создать широкую левую альтернативу КПРФ⁷⁷. Здесь стоит уточнить, что в отличие от двух предыдущих примеров, символические практики РСД связаны не с отечественными историческими событиями и организациями, а с западноевропейскими.

По сути РСД является, своего рода, политическим экспериментом по использованию западноевропейского леворадикального дискурса в российском пространстве. Активисты данной структуры не раз подчёркивали свои связи с подобными европейскими организациями, в особенности с французской «Новой антикапиталистической партией»⁷⁸.

На уровне программных документов РСД отличается не только конкретикой предлагаемых политических мер, но и относительным плюрализмом среди леворадикальных течений («феминистская платформа», «рабочая платформа и тд»)⁷⁹.

Несмотря на данные особенности, символические практики данной политической структуры заключаются в слепом копировании западноевропейского опыта культурной критики капитализма, притом, что «идеологическая чистота» рассматривается ими как приоритетная задача, в сравнении с массовой работой. Подобные движения и группировки могут представлять интерес для академических исследователей и интересующихся активистов иных организаций, но на реальную массовую политическую деятельность, как правило, не способны.

Качественно иным примером использование символической практики может служить Левый Фронт (ЛФ), основанный в 2008 году как коалиция

⁷⁷ Шевчук М. Газета «Деловой Петербург».

https://www.dp.ru/a/2011/03/09/Levie_snova_pitajutsja_obe/ (дата обращения: 08.05.2018).

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Российское социалистическое движение. Программа // Официальный сайт «РСД»
URL:<http://anticapitalist.ru/programm/> (дата обращения: 08.05.2018).

различных левых и леворадикальных структур и организаций. Функционирование ЛФ как организации было прервано в 2011 году в связи с «Болотным делом» и арестом его координатора С. Удальцова. Современный же этап работы Левого фронта связан с освобождением Удальцова и объявлением о воссоздании организации⁸⁰.

Главной же отличительной чертой ЛФ в сравнении с отечественными иными леворадикальными течениями является его минимализация символической практики. Сама программа Левого фронта исключает описание идеологических характеристик организации, конкретизируясь на конкретных политических, экономических и социальных требованиях⁸¹. Символика данной организации также исключает жёсткую идеологическую ассоциацию, позиционируя ЛФ как широкую структуру левого толка. Подобное отсутствие жёсткой идеологической идентификации означает не только открытость для иных левых политических организаций, но и также и возможность массовой работы самой структуры.

Главной же проблемой подобной стратегии является отсутствие чёткой организационной иерархии, необходимой любой организации данного типа. Также сама минимализация символической практики, позволяющей идентифицировать себя с той или иной политической силой тем, осложняет процесс политизации нового актива.

Несмотря на многие особенности символической практики отечественных леворадикальных движений, и группировок, стоит констатировать, что их реальное влияние на общую политическую культуру населения России минимально или же практически отсутствует. Связан данный вывод не только с особенностями их символических практик, представляющих собой либо историческую фетишизацию наследия СССР,

⁸⁰ Материалы «Независимой газеты» URL: http://www.ng.ru/politics/2017-08-16/1_7052_udalcov.html (дата обращения: 08.05.2018).

⁸¹ Левый фронт. Программа // Официальный сайт «ЛФ» URL: https://www.leftfront.org/?page_id=2413 (дата обращения: 08.05.2018).

либо же копирование элементов политической культуры западноевропейских партий и движений, но и с общей закрытостью российской политической системы. В условиях авторитарной модели и формирования полупарламентарной политической системы, различные леворадикальные политические силы неизбежно окажутся в маргинальном состоянии. Выход из данной ситуации возможен либо посредством встраивания в систему и как следствие потерю радикальной повестки, либо за счёт реальной оппозиции режиму способствовать радикализации широких масс. Однако на данный момент большинство отечественных леворадикальных организаций не способно на встраивание столь радикальной политической повестки, способной привести к политическим изменениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании, проделанного анализа политико-культурной специфики леворадикального дискурса в современной России и его институциональных практик, можно сделать ряд выводов:

Формирование самого феномена российского левого радикализма и его дальнейшая специфика неизбежно были связаны как с национально-культурной спецификой, так и влиянием западных теорий и концепций, подвергнувшихся масштабным преобразованиям вследствие политических и экономических особенностей. Данный процесс происходил как в начале двадцатого века посредством радикализации большевистского течения в отечественной социал-демократии, так и с началом распада СССР путём формирования нового левого радикализма посредством адаптации советского наследия и зарубежного опыта.

В результате, политико-культурная специфика и символическая практика, связанная с истоками подобных течений, оказались неизбежно связаны с одной стороны, с «исторической фетишизацией» советского периода, и с масштабными трансформациями западного левого радикализма, с другой. В зависимости от исторических условий и конкретных политических событий, леворадикалы сами подвергались изменениям на идейно-теоретическом уровне, стремясь адаптировать собственные воззрения к актуальной политической повестке.

Идеологические изменения теоретических и политико-мифологических концепций левого радикализма в западном мире проходили параллельно с самими трансформациями европейского общества, что неизбежно отразилось и на специфике подобных организаций в новой России. Торжество политики неолиберализма в западных странах в совокупности с распадом СССР и дискредитацией левых идей, как таковых, кардинальным образом повлияло на становление новых российских

леворадикальных движений и группировок. Помимо разнообразных вариаций марксизма на новые российские леворадикальные движения повлияли различные вариации национализма и государственного патриотизма, возникшие вследствие непопулярных государственных экономических мер в 1990-ые годы. На определённом этапе ключевые требования левой и национал-патриотической оппозиций совпали, что привело не только к идеологическому смешению позиций, но и к ориентации значительного ряда леворадикальных движений на историческую консервацию связанную с прошлым.

Данная консервация носила характер как идеализации ряда периодов советской истории, так и стремление к копированию политико-культурных характеристик революционных движений прошлого, что неизбежно приводило к «политическому сектанству» подобных организаций. При этом отношения между многочисленными подобными леворадикальными движениями и группировками носили характер «скрытой вражды». Помимо ориентаций на воспроизводство исторической практики, иной ряд отечественных леворадикалов занялось чистым копированием западноевропейского опыта построения подобных организаций и их деятельности. Данный подход был рассчитан на формирование «чистой идеологии» без реального расчёта на то, как будет функционировать подобные конструкции в сочетании с российской политической культурой. В результате, и данное направление неизбежно было обречено на политическую маргинальность.

Анализируя особенности политико-культурной специфики современных отечественных леворадикальных организаций, стоит констатировать, что их влияние на политическую культуру населения современной России является минимальным. Связано подобная тенденция не только с идейно-теоретической специфичностью отечественного левого радикализма, не отвечающего современной политической повестке, но и с

общим состоянием российской политической системы. В условиях отсутствия реальной политической борьбы и засилья крупных парламентских партий в общественной жизни населения, какое-либо влияние на политическую культуру со стороны радикальных течений остаётся затруднительным. Однако дальнейшее изменение подобной тенденции возможно не только в связи с возможными трансформациями российской политической системы в сторону большей демократизации, но и с общим идейно-теоретическим обновлением российского левого радикализма, обновлением, способствующим модернизации политических доктрин и их ориентации на практическую реализацию политических целей леворадикалов.

В данном контексте дальнейшее развитие отечественного левого радикализма открывает перспективы для дальнейших исследований, необходимость в которых, возникнет вследствие новых трансформаций российских леворадикальных движений и группировок.

Список использованных источников и литературы

Книги и периодические печатные издания

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. №3 (77).
2. Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. 392 с.
3. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Книга по Требованию, 2014. 206 с.
4. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М.: Интер-Версо, 1991. 267 с.
5. Арон. Р. Воображаемые марксизмы. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 384 с.
6. Балибар Э. О диктатуре пролетариата. Часопис соціальної критики contr.info, 2008. 150 с.
7. Боббио Н. Правые и левые // Неприкосновенный запас, 2003. №5 (31)
8. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 150 с.
9. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. 288 с.
10. Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей с Древности до конца XVIII в. М.: Наука, 1975. 155 с.
11. Готфрид П. Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2009. 249 с.
12. Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014. 172 с.
13. Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Философско-литературный журнал «Логос». 2005. № 3 (48). С. 208 - 246.
14. Завершинский. К. Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник СПбГУ, Сер. 6. Вып. 2, 2015. С. 16-19.

15. Завершинский К.Ф. Легитимация и делигитимация «советского» в политико-культурных практиках современной России // Вестник СПбГУ, Сер. 6. Вып. 3, 2013. С. 74-83.
16. Кагарлицкий Б. Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.
17. Кагарлицкий Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики (серия «политическая теория»), 2017. 280 с.
18. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2017. 456 с.
19. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм. Введение в социальную и политическую теорию. М.: ЛЕНАНД, 2017. 320 с.
20. Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. СПб.: ООО «Полиграф», 2013. 256 с.
21. Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль, 1991. 575 с.
22. Колганов А. И. Что такое социализм?: Марксистская версия. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 616 с.
23. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России. 2012. 320 с.
24. Куиггин Дж. Зомби-экономика: Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас. М.: Издательский дом Высшей школы экономики (серия «экономическая теория»), 2016. 272 с.
25. Куренной В. А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. № 1. С. 14-79.
26. Лебедев С.В. Левые и правые в истории русской политической мысли // Россия: прошлое, настоящее и будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 72.

27. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 136 с.
28. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 86 с.
29. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 256 с.
30. Магун А.В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 416 с.
31. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
32. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
33. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Сочинения, т. 8, М.: Издательство политической литературы, 1957. С. 115-217.
34. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий // Сочинения, Т. 25, ч. 1, - М. : Политиздат, 1961. – 545 с.
35. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «REFLbook», 1994. 368 с.
36. Мусихин. Г. И. Очерки теории идеологий. М.: Издательский дом Высшей школы экономики (серия «политическая теория»), 2013. 288 с.
37. Ойзерман Т.И. Избранные труды. В 5 т. Т. 2: Марксизм и утопизм. – Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2014. 467 с.
38. Ойзерман Т.И. Избранные труды: В 5 т. Т. 3: Оправдание ревизионизма. – Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2014. 741 с.
39. Резник А.В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923-1924 годы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 382 с.
40. Русакова О.Ф. Радикализм в России: проблемы типологии // Вестник ЧелГУ, Т.1. №1 (3).

41. Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). М.: «Вузовская книга», 2007. 340 с.
42. Тарасов А.Н. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М.: Институт экспериментальной социологии, 1997. 202 с.
43. Тарасов А.Н. Революция не всерьёз. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. 528 с.
44. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: ПРОЗАИК, 2014. 479 с.
45. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006. 264 с.
46. Харви Д. Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007. 288 с.
47. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.
48. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.
49. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М.: Издательство политической литературы, 1960. 80 с.
50. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations - Princeton University Press, 1963. P. 394.
51. Althusser L. Essays on Ideology. L. N.Y. Verso 1984. P. 160.
52. Arendt H. The origins of totalitarianism. 2014 P. 550
53. Callinicos A. An anti-Capitalist manifesto. - Cambridge: Polity Press, 2003. P. 192.
54. Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. - Cambridge University Press, 2011. P. 364.
55. Klein N. No Logo: Taking Aim at the Brand Bullies. - Knopf Canada and Picador, 1999. P. 624.
56. Hardt M. and Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire, New York: Penguin Press, 2004. P. 440.

Источники на электронных носителях

1. Grand T. The International Situation and Perspectives (Part Two) URL: <http://www.marxist.com/international-situation-perspectives240807.htm> (дата обращения: 02.05.2018).
2. Биец С. Интервью о текущем моменте. URL: <http://levoradikal.ru/archives/14979> (дата обращения: 08.05.2018).
3. В Берлине тысячи людей почтили память Розы Люксембург и Карла Либкнехта // Новостной сайт «Made for minds» URL: <http://www.dw.com/ru/ /a-42142799> (дата обращения: 22.04.2018)
4. Левый фронт. Программа. // Официальный сайт «ЛФ». URL: https://www.leftfront.org/?page_id=2413 (дата обращения: 08.05.2018).
5. Майнхоф У. От протеста – к сопротивлению. Пер.: А.Н. Поддубного; Под ред. А.Н.Тарасова // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_659.html (дата обращения: 07.05.2018).
6. Манифест Лейбористской партии Великобритании. URL: <https://labour.org.uk/manifesto/> (дата обращения: 08.05.2018).
7. Материалы «Независимой газеты» URL: http://www.ng.ru/politics/2017-08-16/1_7052_udalcov.html (дата обращения: 08.05.2018).
8. Оксфордский словарь назвал словом года термин «постправда» URL: <https://ria.ru/society/20161116/1481498094.html> (дата обращения: 22.04.2018)
9. Программа «Рабочая демократия» // Официальный сайт политической партии «РПП». URL: <http://rwp.ru/программа/> (дата обращения: 08.05.2018).
10. Программа партии РКРП // Официальный сайт партии «РКРП» URL: <https://rkrp-rpk.ru> (дата обращения: 08.05.2018).

11. Программа партии РОТ Фронт // Официальный сайт политической партии «РОТ Фронт». URL: <https://www.rotfront.su/program> (дата обращения: 08.05.2018).
12. Российское социалистическое движение. Программа. // Официальный сайт «РСД» URL: <http://anticapitalist.ru/programm/> (дата обращения: 08.05.2018).
13. Тарасов А.Н. Как победить терроризм. ЯБЛОКО России, № 39, 9-16 октября 1999 г. URL: http://www.yabloko.ru/News/Npaper/39_99/yr-3999-9.html (дата обращения: 07.05.2018).
14. Тарасов А.Н. Русские дети Че Гевары и Джерри Рубина. Новые левые в России. URL: <http://saint-juste.narod.ru/mtimes.htm> (дата обращения: 07.05.2018).
15. Тереза Мэй раскритиковала политическую позицию Корбина. Сайт «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/world/20170426/1493160605.html> (дата обращения: 08.05.2018).
16. Фернандес А. Пути левой интеллигенции: коммунизм, еврокоммунизм, советский проект // Альманах «Восток» URL: http://www.situation.ru/app/j_art_36.htm (дата обращения: 07.05.2018)
17. Шевчук М. Газета «Деловой Петербург». URL: https://www.dp.ru/a/2011/03/09/Levie_snova_pitajutsja_obe/ (дата обращения: 08.05.2018).